

Клофт Г.

Перенаселенность крупных античных городов. Книга Роберта Пёльмана, заново прочитанная через 125 лет

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3260>]

[Публикация работы:]

Клофт Г. 2010: Перенаселенность крупных античных городов. Книга Роберта Пёльмана, заново прочитанная через 125 лет // Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст: доклады международной научной конференции, посвященной 100-летию г. Ярославля / В.В. Дементьева (отв. ред.). Ч. I. Ярославль, 128-136.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ

ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Х. Клофт
(г. Бремен, Германия)

**Перенаселенность крупных античных городов.
Книга Роберта Пёльманна,
заново прочитанная через 125 лет**

Греческий полис и римская *civitas* лежат в основе развития европейских городов, они репрезентируют к тому же не некую рудиментарную форму – так сказать, примитивный задел, но удачное, даже образцовое воплощение. Во многом это представление сохранилось и до сегодняшнего дня: союз граждан, политическая, культурная и религиозная организация, дифференцированное, сформированное пространство – вот краеугольные камни города. Анализировать их стремились такие выдающиеся ученые, как Макс Вебер, Виктор Эренберг, Мозес Финли и Кристиан Майер – назовем лишь некоторые имена. Пространство, объединенное вокруг агоры или форума, город как место решения политических вопросов зачаровывал и Ханну Арентс вплоть до самой смерти, и в ее книге «Что такое политика?», изданной посмертно, дано красноречивое тому подтверждение.

I. Восприятие античных городов как идеала, как руководящей идеи, которая дает *zoön politikon*, «существу политическому», подходящее жилище и поле деятельности, по-прежнему оправдано. Городу отдается должное как мерилу человеческой цивилизации. Тем не менее, античный город, в особенности греческий город, даже если мы ограничимся его абстрактным восприятием, обладает значительными теневыми сторонами. Опасности, недостаток кооперации и – в совокупном плане – сложности в решении социальных и экономических проблем.

Прошло уже 125 лет с тех пор, как в 1884 г. – в то время молодой и относительно неизвестный специалист по истории древнего мира – Роберт Пёльманн, описал эти проблемы античного города в книге, до сих пор заслуживающей внимания. «Перенаселенность крупных античных городов, описанная в связи с общим развитием городской цивилизации»¹, – в этой монографии молодой ученый проявил себя тонким знатоком истории и, в то же время, внимательным свидетелем своего времени. То, что Пёльманн выявил в крупных античных городах, в конце XIX в. было гнетущей реальностью – индустриализация и отчасти миграция привели к чрезвычайно быстрому росту городов старой Европы. Примеры, которые мы приведем в дальнейшем, были перед глазами и у Пёльманна, правда, он описывал их совершенно особым образом, на котором в дальнейшем следует остановиться.

Например, Париж, имевший в 1801 г. 547.756 жителей, вырос до 2,7 миллиона в 1881 г.; в Лондоне население выросло с 860.000 в 1801 г. до 3,8 миллиона в 1881 г.; Берлин, в котором в 1820 г. жило около 200.000 человек, в 1883 г. имел более 1,2 миллиона жителей.

Последствия этого колоссального прироста населения и возникновения мега-городов для внимательных современников, каким, без сомнения, был Пёльманн, были вполне очевидны.

*«Сегодня мы ясно видим и с огромной тревогой ощущаем, что "Европа больна из-за размера своих больших городов". Мы, те, кто хоронит здоровое своеобразие старой Англии в Лондоне и видит, как Париж, разрастаясь, превращается в вечно гноящуюся язву Франции, мы, кто даже в индивидуализированной Германии воспринимает огромный рост народных масс больших городов – особенно нашей национальной столицы – как осязаемое для всего народа социальное и политическое давление, мы можем живейшим образом представить себе, в какой мере – при чрезвычайной централизации римской государственности – болезни, возникающие из-за перенаселенности столицы и крупных городов вообще, воздействовали на жизнь в целом»*².

Несомненно, именно это и представляло собой ту основу, на которой Пёльманн проводил анализ крупных античных городов, прекрасно осознавая, что условия в античности отчасти были совершенно другими.

II. Или все же нет? В Риме, о котором больше всего информации, в период расцвета Империи было примерно от 1 до 1,2 миллиона жителей; в Александрии около 500.000, в Анти-

¹ Pöhlmann R. Die Übervölkerung der antiken Grossstädte im Zusammenhange mit der Gesamtentwicklung städtischer Civilization. Hirzel, 1884.

² Ibid. S. 20f.

охи, Карфагене и Эфесе около 150.000; в Селевкии на Тигре – преемнице Вавилона – примерно 100.000; Пергам, Аквилея и другие, вероятно, также насчитывали около 100.000 жителей.

Впрочем, то, с чем Пёльманн захотел и смог провести ассоциации, – это не количественные показатели. В 1886 г. было опубликовано гениальное исследование Карла Юлиуса Беллоха «Население в греко-римском мире», позднее Пёльманн непременно ссылаясь на этот демографический анализ, сохранявший актуальность в течение многих десятилетий, как по своей методике, так и по результатам. Для Пёльманна речь шла о содержании, о «болезненных симптомах»³, которые можно выявить как в Античности, так и в Новое время.

Для понимания рассуждений Пёльманна об этом важны две вещи. С одной стороны, он выдвигает Рим в центр своего исследования как прототип перенаселенности и городской цивилизации Античности. Правда, речь идет и о других крупных городах: сначала о городах Древнего Востока – Вавилоне и Ниневии, потом в тексте говорится об Александрии и Константинополе (последнему отдается должное, прежде всего из-за его образцовой процедуры иммиграции, его ограничительной политики по отношению к иностранцам⁴). Акцентирование на Риме в определенной степени понятно, если учесть ситуацию с источниками в конце XIX в. Но Рим в рамках античной урбанизации представляет собой явное исключение, так как большая часть населения – по современным оценкам 80-90% – жила на селе и занималась земледелием. В большинстве областей Римской империи преобладал тип маленького провинциального города.

С другой стороны, Пёльманн понимает перенаселенность в первую очередь не как количественное, а как качественное явление. Оно преобладает там, где доходы и потребности населения в средствах существования расходятся. Говоря проще – где производство не покрывает потребление, и население растет быстрее, чем средства к существованию. Пёльманн добавляет, что это расхождение касается не только населения в целом, но также и отдельных классов, и что «национальный доход слишком односторонне смещается не в пользу отдельных слоев населения». Конечно, в XIX в. это относится прежде всего к низшему слою, рабочему классу, «прекариату», как мы говорим сегодня, увеличение которого со «смещением национального дохода» ведет к факту перенаселенности.

Легко понять, кем были духовные отцы, стоявшие за этим тезисом Пёльманна. В 1798 г. вышла эпохальная работа Роберта Мальтуса «Essay on the Principle of Population» («Опыт о законе народонаселения»), где он вывел закон о населении, согласно которому рост населения происходит в геометрической прогрессии (а именно 1-2-4-8-16), в то время как средства пропитания растут только в арифметической прогрессии (то есть 1-2-3-4-5). Угрозы перенаселенности можно избежать только репрессивными мерами или превентивным вмешательством (*moral restraint* – моральными ограничениями). Корреляция населения / продуктов питания и средств к существованию – правильность этой идеи едва ли можно оспорить – в дальнейшем это подчеркивали немецкие экономисты-теоретики XIX в., и прежде всего Вильгельм Рошер (1817-1894), знаменитый экономист-теоретик и с 1848 г. профессор в Лейпциге, который видел в перенаселенности причину нужды и бедствий рабочего класса. От своего учителя Рошера Пёльманн, вероятно, и позаимствовал понятие и толкование «перенаселенности». Другие экономисты-теоретики, такие как Адольф Вагнер (1835-1917) и Альберт Шеффле (1831-1903), которых Пёльманн привлекает как крупных специалистов по социальным и экономическим вопросам, заимствовали теорию перенаселенности Мальтуса и использовали ее при анализе социального положения в XIX в. На этом актуальном теоретическом и социально-практическом фоне становятся понятней те «болезненные симптомы», которые Пёльманн диагностирует как симптомы перенаселенности в Античности на примере Рима. При этом понятие болезни связано с органо-логической моделью общества, которую разработал, прежде всего, Альберт Шеффле. Тело больно потому, что оно растет непропорционально и, таким образом, возникают симптомы, требующие ответных медицинских мер. «Заболевание всего городского организма», согласно Пёльманну, особенно отчетливо проявляется на примере Рима как центра мира⁵.

III. Список городских симптомов болезни Пёльманн открывает рабством, которое не потому «болезнь, что оно институционализирует и инструментализирует человеческое неравенство, а потому, что оно не в одном только большом городе Рима оказывает воздействие на

³ Pöhlmann R. Die Übervölkerung... S. 8.

⁴ Ibid. S. 167f.

⁵ Ibid. S. 8.

имеющееся в распоряжении жилье, осложняет ситуацию с продуктами питания и, помимо того – что еще хуже, – ограничивает долю свободного труда». Пёльманн в связи с этим говорит о «пролетаризации труда»⁶. Это означает, что труд как производительная сила отходит к низшим классам и не в состоянии кормить работающее население плодами его деятельности. «Непродуктивность труда»⁷, с другой стороны, способствует формированию денежной аристократии. Это означает абсолютно неправильное распределение народного достояния или народных доходов, аккумуляцию капитала, доходы с которого тратятся на предметы роскоши, являющиеся, с точки зрения народного хозяйства, преимущественно непродуктивными.

Кроме того, среди бедных плебеев развивается паразитическая клиентела, надеющаяся получать содержание от богатого патрона. Дорогие *largitiones*, жертвования зерном и деньгами от римских императоров, как магнит, притягивают людей в миллионный город. Бегство из деревни и распад мелкого крестьянства – таковы отрицательные последствия этого явления. Императорская щедрость для Пёльманна означает «образцовый пример пролетаризирующего воздействия экономики подачек»⁸, который оставляет массу городского населения в состоянии пауперизма, несамостоятельности и падения нравов. К этому сомнительному *plebs frumentaria* из-за притока населения добавлялись так называемые «опасные классы»: мошенники, воры, преступники, «голодающий, безработный и уклоняющийся от работы сброд всех мастей»⁹, который, по словам Саллюстия, превратил Рим в клоаку (*Sall. Cat.* 37).

Эти ошибочные меры социального обеспечения с их губительными последствиями для экономики и общества того времени, как далее утверждает Пёльманн, не исчезли с распространением христианства. Христианская благотворительность, как ее практикует епископат IV и V вв., сохраняет бедность в городах и увеличивает толпу нищих и бродяг, собирающихся перед церквями – напрасная и бессильная борьба церкви, которая своей моделью благотворительности отказывается от «принципиального решения проблемы бедных»¹⁰ и неизбежно терпит поражение на этом поле.

IV. Для захватывающей дух картины, которую Пёльманн рисует в этой первой общей части, он берет яркие краски из литературных источников – из Саллюстия, Марциала, Ювенала, с одной стороны, и из анализа современной национальной экономики – с другой. Об индустриализации и разрастании городов велись жаркие споры не только в науке, но и – еще острее – в политике. В этом отношении исследование Пёльманна вполне можно понимать как вклад в актуальную дискуссию в исторических одеждах, таким было и его более позднее сочинение об античном социализме и коммунизме 1893 г.¹¹

Базируясь на общих рассуждениях об обществе, Пёльманн затем переходит к конкретным явлениям перенаселения в городах, к питанию и жилищным условиям и их последствиям. При этом часть работы, посвященная снабжению продовольствием, оказывается удивительно короткой и недостаточно полной. Потребности Рима в зерне удовлетворялись главным образом привозом его из Сицилии, Северной Африки и Египта; проводились бесплатные раздачи анноны римским гражданам, – эти моменты затрагиваются в исследовании, как и указывается на то, что население часто страдало от массового голода и дороговизны. В целом трудно оценить, насколько дефицитным в Риме было снабжение овощами и бобовыми. Во всяком случае, в сельской области было достаточно посевных площадей, служивших снабжению города, в Риме имелись торговцы овощами и розничные торговцы, наряду с центральным овощным рынком между Капитолием и Тибром существовали более мелкие децентрализованные открытые прилавки, где предлагались рыба, овощи, растительное масло и вино. Все это говорит о разнообразном и достаточном предложении, что давало возможность питаться и бедным. От Пёльманна мало что можно услышать обо всех этих деталях. Он останавливается, скорее, на общей конвергенции цен на продукты питания и естественного движения народонаселения, чего в статистической форме, каковую он мысленно видит перед собой, не было в Античности. При этом Пёльманн не осознает, что при всем том существовало достаточно признаков, показывающих, что созданная им картина снабжения Рима продуктами питания была далеко не столь мрачной.

⁶ Pöhlmann R. Die Übervölkerung... S. 36.

⁷ Ibid. S. 35.

⁸ Ibid. S. 50.

⁹ Ibid. S. 52.

¹⁰ Ibid. S. 67.

¹¹ Pöhlmann R. Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus. Bd. 1-2. Beck, 1893, 1901.

V. Иначе обстоит дело с условиями жизни в Риме, общая структура и недостатки которых подвергаются детальному анализу. Конечно, Пёльманн знает, что при оценке нужно освободиться от современных представлений о жилищном комфорте, особенно в северных местностях. Он понимает, что, в целом, существуют более скромные потребности в том, что касается личного жилого помещения, обстановки, всей домашней и городской среды. Правда, Пёльманн видит в поведении «человеке толпы» – „the man of crowds“¹² – которого постоянно волшебным образом притягивает сутолока центра города, определенную аналогию с поведением в современном большом городе. Даже если учитывать это принципиальное отличие, литературные источники, касающиеся качества проживания, говорят сами за себя. Густонаселенные дома казарменного типа, достигавшие 20 м в высоту и имевшие 6-7 этажей, узкие перенаселенные улицы, темные и грязные чуланы в полуподвале, где разнообразные мелкие торговцы предлагали свой товар – такую картину Пёльманн берет прежде всего у поэта Марциала:

«Весь Рим стал одной большой таверной, всеми улицами завладели мелкие лавочники и торговцы, мясники, трактирщики, цирюльники. Большие не видно было порогов домов. Здесь висели сосуды с вином, прикрепленные к стойкам кабака, там в самой плотной толчее цирюльник размахивал бритвенным лезвием, окутанные паром, черные от копоти трактиры занимали всю ширину улицы. Преторы были вынуждены ходить по грязи».

Это хаотичное «кишащее» движение, которое Пёльманн описал, парафразируя римского поэта, и которое Домициан пытался регулировать с помощью уличного распорядка, было вполне по сердцу «массового празднующегося пролетариата»¹³, не знавшего домашней жизни, для которого общественные улицы и площади были «нормальным» домом. Эту ужасную и шумную толкотню с горечью наблюдали и соответствующим образом описывали такие чувствительные натуры, как Гораций, Сенека, Марциал. Шум «крикливого города» (*Stat. Silv. IV. 4, 18*) крадет ночной сон и за продолжительное время приводит к болезни, – так говорит сатирик Ювенал¹⁴.

Роскошное и щедрое оформление общественного пространства храмами, форумами, термами, купальнями и театрами вместе с пышными сооружениями богатой верхушки общества – назовем для примера просторную виллу Ведия Поллиона, сады Саллустия и Мецената, огромный комплекс Золотого Дома Нерона – с другой стороны, естественным образом приводило к нехватке строительных участков для жилищ простого люда. Эту связь видел также Марциал, говоривший о сооружении Золотого Дома:

*„hic ubi miramur, velocia munera, thermas,
abstulerat miseris tecta superbus ager“*

«Здесь, где мы сейчас восхищаемся быстро построенными купальнями, великолепный парк отнял у бедных их жилище» (*Mart. I. 2*).

Тот факт, что земля для городского строительства была занята роскошными постройками и находилась в руках строительных спекулянтов, Пёльманн затем использует для социальной критики в целом:

«Так же, как крестьянские земельные наделы поглощаются латифундиями, так и маленькому жилому дому, соответствующему потребностям одной семьи, грозит уничтожение, и масса населения все больше и больше вытесняется в доходные дома, тесные помещения которых составляют неутешительный контраст с относительно большими размерами жилых строений аристократов – и в природе вещей, что воздействие этих социально-экономических явлений сильнее всего проявлялось там, где разница между бедностью и богатством была острее, и где скученность населения зашла дальше всего»¹⁵.

То обстоятельство, что при численности населения, по оценкам составлявшей миллион человек, жилья не хватало, и из-за недостатка места росла этажность зданий, сделало рынок жилья объектом спекуляций¹⁶. Это касается как строительных участков, так и квартирной платы. Марк Лициний Красс, который на исходе республиканского времени скупал сгоревшие и обрушившиеся дома и ремонтировал их с помощью собственных строительных команд, – благодаря чему, как сообщает Плутарх, большая часть Рима стала его собственностью, – для Плу-

¹² Pöhlmann R. Die Übervölkerung... S. 82.

¹³ Ibid. S. 79.

¹⁴ Juven. Sat. III. 232-235.

¹⁵ Pöhlmann R. Die Übervölkerung... S. 84f.

¹⁶ Ibid. S. 86f; 106f.

тарха является «образцом ростовщика, с размахом спекулирующего строительными участками»¹⁷, но это только вершина айсберга. Сдачей внаем и взысканием денег, как правило, занимались откупщики, посредники, которые получали от своей деятельности допустимую прибыль в 30%. Этот метод вполне можно сравнить с узансами (обычаями) государственной аренды и деятельностью откупщиков государственных доходов в провинциях. Можно предположить, что их деятельность, как в том, так и в другом случае была в равной мере доходной и пагубной. Марциал впечатляюще изображает вынужденный выезд нищего Вакурры, который к 1 июля, дню выплаты арендной платы, должен покинуть дом и вынужден будет искать место для ночлега под мостами Рима. На основании этого случая Пёльманн делает вывод о частоте смены жилья в больших городах в целом, при этом у него перед глазами стоят аналогии с современностью. «Кочевая жизнь берлинского населения», как гласило современное ему исследование 1874 г., частая смена жилья рабочими в XIX в., которые со всем скарбом, нагруженным на маленькую тачку, переезжали из одного пристанища в другое.

Пёльманн не ограничивается социальными и экономическими перекосами, которые он изображает, не жалея красок и с явным внутренним негодованием. К пагубным формам «казарменного житья» он относит не только вред для здоровья, но и «развращенность» населения, так стесненно живущего друг с другом и друг над другом.

«С другой стороны, какие опасности таились здесь для благонравия и жизненного уклада населения! Чрезмерная агломерация людей друг с другом была немыслима без разнообразных помех семейной жизни, без смешения полов и роста искушений, которые должны были вредить нравственности народа тем больше, чем меньше противовеса давало интеллектуальное и моральное образование масс»¹⁸.

VI. Социальное и моральное «разложение»¹⁹ в большом городе идут рука об руку. Правда, они затрагивают в первую очередь низшие слои, но тем самым вредят всему народу. Пёльманн дополняет центральную главу о недостатке жилой площади описанием гигиенических условий и гигиены большого города, которые в значительной мере вытекают из жилищных условий. Вонь, кухонные испарения, отбросы, зачумленный воздух вообще – здесь следует вспомнить теорию миазм XIX в. – образуют питательную почву для любых болезней, и вполне понятно, что чума II и III вв. в Риме нашла питательную почву, и при Коммод в «многолюдном Риме», как сообщает Геродиан, достигла своей вершины.

К неоднозначным итогам Пёльманн приходит в отношении удаления отходов города, он понимает его как «устранение отбросов человеческой жизни и домашнего хозяйства»²⁰. С одной стороны, стоит достойная восхищения канализационная сеть с центральной Cloaca maxima и общественными уборными (которых позднеантичные списки городских районов насчитывают 144), смывавшими в Тибр не только огромное количество фекалий (Пёльманн дает оценку примерно 1 миллион м³ «ежегодного производства»²¹), но отбросы и нечистоты всех видов. Пёльманн прав, подчеркивая, что такое «естественное» устранение отходов неудивительно. Для такого миллионного города, как Лондон, вплоть до середины XIX в. Темза была естественным канализационным каналом, а действующая система гигиенического устранения отходов в городах появляется только во второй половине XIX в. Подобное загрязнение рек, с которым мирились здесь, как и в других случаях (на что недавно указывал Гюнтер Тюри на основании археологических находок), не удерживало людей от использования воды Тибра для лечения и от потребления выловленной в Тибре рыбы непосредственно по соседству от впадения Великой Клоаки.

С другой стороны, нередко засвидетельствованные наводнения Тибра представляли собой постоянную угрозу для жилья, прежде всего полуподвалов, как красноречиво свидетельствует Тацит в 69 г. н.э.:

«Но особенным кошмаром, который приносил не только моментальную порчу, но и пагубно воздействовал на будущее, было внезапное наводнение Тибра, который, ужасно разлившись, разрушал свайный мост и запруженный из-за преграждавшей его массы развалин, заливал не только лежащие в низине и равнинные, но и укрепленные против таких событий

¹⁷ Pöhlmann R. Die Übervölkerung... S. 89.

¹⁸ Ibid. S. 105.

¹⁹ Ibid. S. 106.

²⁰ Ibid. S. 122f.

²¹ Ibid. S. 123.

части города. Очень многих сносило течением на улицах, еще больше людей вода заставляла в их лачугах и постелях (*tabernae et cubilia*). Масса населения из-за безработицы и недостатка продовольствия терпела голод. Стоявшая вода повреждала фундаменты доходных домов, которые разваливались после ее схода».

Из-за *inundatio Tiberis* значительно страдала вся канализация, поскольку обратный подпор сточных вод не давал им стекать, и создавалась питательная почва для различных болезней. Помимо этого, вероятно, для вывоза домашних фекалий, скапливавшихся в ночном горшке (*matella*) или домашней уборной (*latrina*), существовали специальные повозки, как известно из раздела Закона Цезаря о муниципиях. Он говорит о *plostra... stercoris exportandei caussa*, наверняка включавшего весь домашний и городской мусор.

VII. Если обобщить все эти аспекты вывоза фекалий и мусора, то по сравнению с обычными условиями доиндустриального времени, итог такого сопоставления для Рима вовсе не будет исключительно негативным, что признает и Пёльманн. Это касается и еще одной формы «уничтожения отходов»: захоронения или складирования трупов, что для миллионного города было огромной гигиенической проблемой. При этом, разумеется, речь идет не о пышных похоронах представителей верхнего слоя с впечатляющими надгробными памятниками, и не менее впечатляющем колумбарии за городом, где устанавливались урны простых людей, вольноотпущенников и рабов из императорского дома. Это так называемые *puticuli*, могилы бедняков и рабов, массовые захоронения, в которых трупы гниют, сваленные кучей друг на друга и распространяют зловоние. Они, без сомнения, представляли собой угрозу для городской гигиены. Только к концу Республики эти массовые захоронения, которые находились на Эсквилине (что подтверждается археологически) были вынесены за город, „extra portam Esquilinam“ «за ворота Эсквилина», – в плохом же и пользующемся дурной славой районе города закладываются сады. В остальном верно то, что Блюмнер говорил столетие назад о практике погребения, а именно, что мы «мало знаем о скромном погребении низших классов, обходившемся без больших церемоний».

Насколько массовое сжигание трупов на специальных *ustrinae*, местах сжигания за городом, вело к дополнительному загрязнению воздуха, как заявляет Пёльманн²², можно только предполагать. Если смотреть в целом, старое распоряжение проводить сжигание и захоронение за пределами города, как это предписывали уже Законы XII таблиц, сохранялось, кроме обоснованных исключений, при этом, в общем и целом, избегали загрязнения городской земли.

VIII. В конце своего сочинения²³ Пёльманн задает центральный вопрос: осознавалось ли фундаментальное значение «равновесия населения»²⁴ вообще, как в этом отношении действовали политика и государство? «Равновесие населения», согласно Пёльманну и его примерам, означает адекватность дохода городского населения его потребности в средствах к существованию; перенаселенность – нарушение соотношения населения и ресурсов, которые представляют собой земля, воздух, питание, жилищные условия. В качестве главного свидетеля того, что в Античности вполне могло существовать теоретическое представление о равновесии населения, он называет «античную государственную мудрость» Платона, а прежде всего, Аристотеля. На последнем мы вкратце остановимся.

В четвертой книге «Политики» Аристотель рассматривает предпосылки успешного государственного устройства (Pol. 1325b, 35 и далее) и называет два критерия: число граждан и качество страны (πλήθος πολιτῶν καὶ χώρα). Размер полиса – это не количественное, а качественное понятие – здесь Пёльманн думает, как Аристотель – значение имеет не то, что полис многолюдный (πολύανδρος), а то, что он большой (μεγάλη). Для полиса, население которого слишком велико, не может существовать хорошего законного порядка (εὐνομία); поэтому очевидно, что «ни одно из государств, которые известны своей хорошей конституцией, не относится равнодушно к слишком большому приросту народа».

Для определения размера полиса есть определенная мера (μέτρον), и она измеряется не по числу граждан, которые гарантируют функции полиса, а по способности быть автаркичным (Arist. Pol. 1326b, 23-25). Способность к αὐτάρκεια (автаркии), наряду с качественной величиной числа граждан, является решающей предпосылкой для хорошего политического строя.

²² Pöhlmann R. Die Übervölkerung... S. 137.

²³ Ibid. S. 152f.

²⁴ Ibid. S. 152.

Общий контекст, который был процитирован, показывает, что было значимо для Аристотеля: его идеалом был обозримый, качественно упорядоченный полис, где отдельные части гармонично связаны друг с другом и имеют (не обозначенную точно) верхнюю границу, которая зависит от принципа автаркии. Аристотель аргументирует с точки зрения политического строя, Пёльманн же, напротив, обращаясь к Мальтусу и его последователям, рассматривает проблему с точки зрения политики в отношении населения и продовольствия. Это типичная аргументация Нового времени, к которой не подходят структурные элементы греческого города-государства с его специфической социальной стратиграфией. И куда более сложным вопросом является вопрос о государственных регламентирующих мерах, которые в состоянии регулировать избыток населения и таким образом устанавливать его «равновесие», согласно исходной позиции Пёльманна.

Соответствующие политические меры, которые перечисляет Пёльманн, выглядят бесспорными и, если смотреть в целом, малодейственными. Пёльманн называет, в первую очередь, колонизацию в греческом и римском мире, которая, несомненно, представляет собой действия в области регулирования народонаселения с целью, если дальше процитировать Пёльманна, «создать отводные каналы гнетущему скоплению пролетарских народных масс»²⁵. Волнам римской колонизации эпохи поздней Республики он приписывает тенденцию «очищения столичного населения путем обеспечения масс людей, не имеющих пропитания, продовольствием в земледельческих колониях»²⁶. Эту цель, согласно Пёльманну, преследовал и Цезарь в своих аграрных законах 59 г. до н.э. Как известно, диктатор продолжил колонизацию путем нового заселения Коринфа и Карфагена, при этом важную роль играли и другие мотивы, о которых мы здесь говорить не будем.

Без сомнения, эта «система эмиграции»²⁷ приводила, хотя бы на время, к определенной разгрузке столицы. Однако, из-за притока людей из села и провинций число жителей города снова и снова увеличивалось. Разгрузку давали, хотя и совсем в другом смысле, возросшие возможности труда для простого населения, связанные с представительской функцией столицы²⁸. Храмы, театры и термы, дома и виллы, площади и сады, не в последнюю очередь рынки и гавани нанимали на работу огромные трудовые массы, давали достаточно возможностей для квалифицированного и неквалифицированного труда. Пёльманн даже раздумывает, не следует ли приписать капиталу, использовавшемуся в столице подобным образом, производительный характер, поворот от города-потребителя к городу-производителю, как его в наши дни убедительно представлял Франк Кольб в полемике с Максом Вебером. Кольб пытался дать количественную оценку различных секторов труда во времена Империи и пришел к выводу, что в одном только строительстве было занято от 100.000 до 150.000 жителей города, зарабатывавших таким образом на жизнь. Если добавить обширное снабжение через гавани, различные ремесленные занятия в обработке дерева, камня и металла, наличие торговцев и торговых на рынках и вокруг них, тогда меткие фразы Пёльманна о «массах людей, не имеющих средств к существованию», которые использовали свою рабочую силу для обеспечения своего существования²⁹, и о «борьбе с пауперизмом путем подъема трудовой деятельности»³⁰ получают соответствующее уточнение.

Большая часть миллионного города, очевидно, была вовлечена в трудовой процесс и обеспечивала себе, хотя и скудный, доход. Знаменитое изречение *panem et circenses*, слова о том, что хлеб и зрелища были единственно важны для плебса, оказываются ошибочным предубеждением сатирика Ювенала, – бесплатное снабжение римского населения зерном и его трудовая деятельность не исключали, а дополняли друг друга.

Спорный вопрос – можно ли на основании этих данных говорить об определенной политике римского императора в Риме в отношении занятости или даже о целенаправленных мерах против перенаселенности (было ли их воздействие с социальной точки зрения снимающим напряженность).

Но куда более жестоким оказывается практиковавшийся не только в Риме инструмент высылки, когда во времена бедствий и голода чужеземцев изгоняли из Рима, чтобы обеспечить

²⁵ Pöhlmann R. Die Übervölkerung... S. 152.

²⁶ Ibid. S. 153.

²⁷ Ibid. S. 152.

²⁸ Ibid. S. 161f.

²⁹ Ibid. S. 161.

³⁰ Ibid. S. 162.

гражданам средства к существованию. Пёльманн не совсем беспочвенно говорит о «радикальном средстве массовой высылки»³¹, которое, правда, применялось не слишком часто. В 187 г. до н.э. из Рима было выслано и отправлено на родину 12.000 латинов; Lex Papia от 65 г. до н.э. отдает распоряжение о высылке *peregrini*, что Цицерон 20 лет спустя считал негуманным. В связи с массовым голодом и ростом цен в 6 г. н.э. Август отдает распоряжение о высылке чужеземцев, части рабов, в том числе и тех, кто только был выставлен на продажу. Это изгнание радикальное и губительное для всех, кого оно затронуло, — как справедливо подчеркивал Пёльманн³².

Правда, планомерной и общей политики по отношению к чужеземцам в Риме никогда не было, и, вероятно, не могло быть при данном положении вещей, так что это были исключительные непродолжительные меры. С другой стороны, «паразитический нищенствующий пролетариат Рима», — как говорил Пёльманн³³, — в большой степени был оставлен в покое, в то время как в Константинополе через квестуру были попытки контролировать «не имевших пропитания и средств существования, предававшихся попрошайничеству и преступлениям слои городского населения» или находить им честную работу.

IX. Что же осталось ныне от работы Пёльманна, от труда, в свое время знаменитого и награжденного премией, на примере Рима приводившего столь острую и современную, столь актуальную аргументацию, что современник мог подумать: «*Tua res agitur*»?

Было бы слишком легко просто указать на модернистский и во многом анахроничский подход, после всего выше сказанного не вызывающий сомнений, и проявляющийся прежде всего в современном понятийном аппарате, в «модных словах». Я назову только некоторые из них:

Перенаселенность, пауперизм, пролетариат, пролетарская экономика пожертвований³⁴ и класс капиталистов³⁵; ростовщик, спекулирующий земельными участками, и спекуляция домами, демократический цезаризм³⁶ и уровень смертности³⁷; не в последнюю очередь понятие «социальная болезнь» — все это «модные слова» XIX в., которые обозначают симптомы растущего крупного города со всеми его социальными, экономическими и моральными перекосами. Образцы толкования давали Пёльманну современная ему политическая экономия и общественные науки, и, прежде всего, их давал его учитель Вильгельм Рошер, образцовое произведение которого «Основы политической экономии» после смерти Рошера, начиная с 22-го издания (1896 г.), публиковалось Пёльманном. Уже Рошер указывал на опасности перенаселения, в то время как авторитетный Альберт Шеффле в книге «Устройство и жизнь социального организма» проводил аналогию народного хозяйства и органического обмена веществ (по французскому образцу) и — ввиду «социальных болезненных симптомов» — выдвигал требование исследования социальной патологии, эмпирического изучения «нарушения равновесия».

Центральным пунктом восходящего к Мальтусу учения о «равновесии населения» было равновесие производительных и потребительских классов, — состояние, которое у названных представителей науки требовало также специфической социальной политики, явственно отличавшейся от «теории помогающей руки», как ее формулировали катедер-социалисты в окружении Густава Шмоллера. Однозначный отказ от принципов римской системы щедрых даяний, характерный для Пёльманна, вероятно, опирался на современную дискуссию о необходимой социальной политике. Частная щедрость и государственное снабжение зерном *«так прямо и приводили к умножению массовой нужды, способствуя уклонению от работы, сбивая заработную плату и навсегда вовлекая все более широкие народные слои в сферу пролетариата, в то время как одновременно из-за притягательной силы, которую они оказывали на бедноту во всей Италии, приводили к огромному росту пролетарских масс столицы»*.

Эти понятийные и теоретические заимствования у современных ему экономистов-теоретиков были сделаны Пёльманном сознательно. Он рассматривает их как необходимые вспомогательные средства герменевтики, чтобы заставить говорить источники даже там, где они обычно немые, правда, не отдавая себе отчета в том, что наряду с интерпретацией совре-

³¹ Pöhlmann R. Die Übervölkerung... S. 165.

³² Ibid. S. 165.

³³ Ibid. S. 166.

³⁴ Ibid. S. 50.

³⁵ Ibid. S. 109.

³⁶ Ibid. S. 43.

³⁷ Ibid. S. 124.

менной ему науки он перенимает также установки и ценности, значимые для нищеты больших городов с горизонта ее устремлений.

Тот, кто осознал эти теоретические предпосылки, прочитает «Перенаселенность» с пользой для себя и найдет в книге много соображений, которые ни в чем не утратили своей значимости. То, что остается, – это теоретические аспекты, которые Пёльманн берет за основу в качестве критериев. Соотношение пространства и населения, квартиры и жилищные условия (в строительном, социальном и экономическом отношении), транспортные возможности, проблемы питания, снабжения товарами в целом, как и вопрос об устранении отходов; наконец, вопросы гигиены и поведения человека в моральном, а также в уголовно-правовом отношении, то, что мы сегодня называем ментальностью и преступностью, все это – важные области современных исследований.

Тот, кто возьмет в руки намного более содержательную «Историю античного Рима» Франка Кольба, выяснит, что все эти примеры, которые лежат в основании работы Пёльманна, повторяются как структурные элементы города. И если Кольб в начале своей главы о жилищных условиях³⁸ утверждает, что «несмотря на строительство новых жилых квартир во времена Империи рост жилого пространства, по-видимому, отставал от прироста населения», то он, хотя и избегает термина «перенаселенность», но (на основе накопленных археологических знаний и новых исследований) в целом во многом приходит к тем же результатам, что и Пёльманн. В том, что касается самих конкретных условий жизни населения, то А. Скобье более 20 лет назад нарисовал аналогичную мрачную картину. Жители Рима обитали в „an extremely insanitary environment“ («крайне антисанитарной обстановке»), под угрозой холеры, гастрита, гепатита и тифа, в целом „a short, often, violent live“³⁹, в большом городе, *monster city*, как сформулировал Гарри Плекет, и эта обстановка резко отличалась от описания высокопарных *laudes Romaes*, например, позднеантичного епископа Фульгенция: «Каким же великолепным должен быть небесный Иерусалим, если даже земной Рим сияет в таком великолепии».

Что же, напротив, дал Пёльманн в своей «Перенаселенности», так это начала качественной демографии; правда, с важным ограничением, что он упорно отгораживался от количественных оценок, которые вполне имели место в его время⁴⁰, и тем самым не внес вклада в изучение внутренней дифференциации населения Рима, предпочитая говорить о массе пролетариата. Для сравнения мы здесь назовем оценки, которые дали Эдуард Мейер и Ульрих Карштедт в «Справочнике общественно-политических наук» („Handbuch der Staatswissenschaften“), и которые могут быть весьма полезны. Карштедт дал в справочнике такие оценки:

Сенаторы / всадники:	ок. 18.000
Среднее сословие:	ок. 20.000
Сословие мелких обывателей:	ок. 360.000
Пролетариат:	ок. 270.000
Гарнизоны:	ок. 13.000
Пereгрины:	ок. 100.000
Рабы:	ок. 200.000

Но качественная демография предполагает также, что помимо установления эмпирических данных учитывается также социальное и этическое, человеческое измерение, как дал понять Кристоф Ульф в статье «Демография»⁴¹, когда он указывает на экологические соображения, которым, очевидно, нужно придавать больше значения при анализе населения. Очевидно, что современное экологическое сознание приводит также к новым постановкам вопросов и результатам в традиционных научных областях. Достижения же Пёльманна соответствуют его времени.

³⁸ Kolb F. Das antike Rom: Geschichte und Archäologie. München, 2007. S. 425f.

³⁹ Scobie A. Slums, Sanitation and Mortality in the Roman World // Klio. 1986. Vol. 68. P. 433.

⁴⁰ Pöhlmann R. Die Übervölkerung... S. 21f.

⁴¹ Ulf C. Bevölkerungswissenschaft/Historische Demographie // Der Neue Pauly. 1999. Bd. 13. S. 481-493.

